

Владимир Велйкович Джикович

**Карьеру банкира начал в 1989 году, возглавив
Ленмебельбанк (позже Петербургский
лесопрмышленный банк). Ныне — президент
Ассоциации банков Северо-Запада.**

Когда в «коробочке» было не до смеха

Июнь 1989 года. Я из Монголии вернулся в другую страну. На прежнюю работу в ВПО «Севзапмебель» меня всё-таки взяли, так как ещё действовали старые правила. Предложили на выбор несколько вариантов трудоустройства. В частности, взяться за создание банка.

К тому времени уже было сделано несколько попыток учреждения ведомственного банка, но они оказывались неудачными. Меня же эта идея захватила. Очевидно, сказались гены: мой дед по отцу, хорват, был управляющим банка в Югославии.

Что это такое, никто не знал. Хотя в то время в Ленинграде уже были зарегистрированы Инновационный банк, банк «Патент», Энергомашбанк, Технохимбанк — и, по сути дела, всё. Банки эти назывались нулевыми, так как образовывались они на голом месте. Остальные были государственные и жили своей прежней жизнью.

Как сейчас помню — не знали, с чего начинать. Где брать документы, куда их подавать и т. д. Я обратился в Энергомашбанк к Леониду Талмачу за помощью. Он имел больше опыта, он пришёл в новый банк с должности заместителя начальника управления Промстройбанка (кстати, сейчас Талмач председатель банка Молдовы).

Пришёл я к нему на Малую Морскую, еле нашёл его на каком-то этаже, за шкафом. Большая комната, народ. Это, оказалось, и был Энергомашбанк. Обратился с просьбой о помощи к Леониду Петровичу и получил ответ: «Ходят тут всякие...» Ушёл я ни с чем и обратился в Промстройбанк к заместителю управляющего Д. И. Трактовенко. В этот раз шёл не с улицы — нашлись общие знакомые.

Давид Исаакович нарисовал мне первый баланс, помог подготовить минимум документов (заявка, ин-

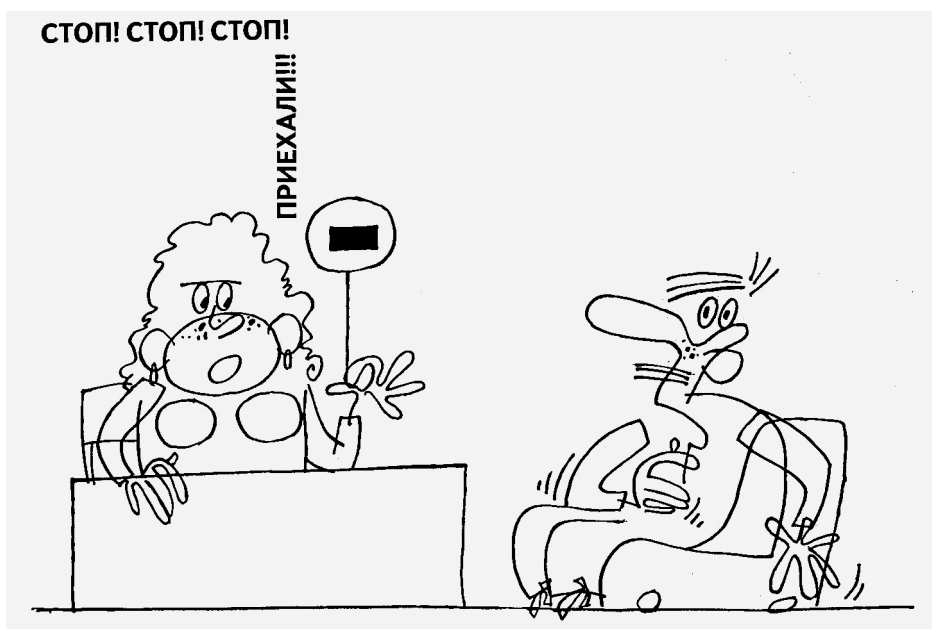
струкция какая-то на полутора листах), нужных для регистрации банка.

И 1 ноября 1989 года наш банк был зарегистрирован. Кстати, никаких требований ни по помещению, ни по персоналу, ни по клиентуре тогда не было. Регистрировал я его в Госбанке СССР. До отвечающего за коммерческие банки зампреда Госбанка В. С. Захарова меня тогда не допустили. Помню начальника управления А. Я. Цемянского, начальника отдела О. И. Блинову и непосредственно занимающегося регистрацией Н. А. Доманова. Документы приняли без труда, устав был типовой, справка, что деньги собраны, тоже оказалась при мне, как и список акционеров и баланс (взятый из воздуха), что сделал мне Трактовенко. Назвали мы банк Ленинградским инновационным Ленмебельбанком, потому что акционерами стали ленинградские мебельные предприятия.

Захаров подписал документы. Лицензий ещё не было. Устав следовало сшить и поставить на нём печать. В это время в Госбанке на Неглинке погас свет. Принесли свечку, сшили документы, отметили, как положено, появление нового банка. И — на поезд. Вернулся в Ленинград, отчитался перед руководством. Получил благословение и стол в комнате бухгалтерии ВПО. В приподнятом настроении решил спокойно изучить

Время, когда мы открыли банк, было золотым. Число кооперативов росло как на дрожжах. Все хотели открыть счета, а старые государственные банки не были заинтересованы набирать «мелочёвку». У нас в коридорах всегда сидели люди. Я принимал их. Некоторым отказывал — просто не было возможности всех обслужить. По блату пытались проникнуть. Бухгалтер ругался: «Опять набрали! Кто с ними работать будет?»

Запретный ход

собственные документы. Смотрю: в уставе отсутствует шестая страница — впопыхах, когда при свечке сшивали устав, одну страницу выронили.

Что делать? Проявили смекалку: просто подсунули копию потерянной страницы. Это сейчас я спокойно об этом говорю, банк уже несколько раз перерегистрировался, а тогда было не до смеха...

Время, когда мы открыли банк (то есть период до конца 1991-го, и даже часть 1992 года), — было золотым. Число кооперативов росло как на дрожжах. Все хотели открыть счета, а старые государственные банки не были заинтересованы набирать «мелочёвку».

У нас в коридорах всегда сидели люди. Я принимал их. Некоторым отказывал — просто не было возможности всех обслужить. По блату пытались проникнуть. Бухгалтер ругался: «Опять набрали! Кто с ними работать будет?» в общем, золотое было время!

Тогда, помню, случай был. Предлагают ресурсы. Хотите поговорить? Конечно, хочу! Предлагают большую сумму, при этом оговаривают, что следует дать организаторам так называемый откат. Что-то мне подсказало, что брать деньги не стоит, поэтому я попросил дать время подумать. На этом разошлись. Вскоре мне сообщают, что деньги отправили. Отвечаю: «Я их не заказывал, а сказал, что подумаю. Теперь же я говорю: мне они не нужны». Начинают уговаривать: «Мы уменьшим комиссию». Категорически отказываюсь: «Ничего брать не буду. Я ничего не подписывал». Вскоре ходки вновь прорываются ко мне: «Вы должны взять — иначе вы пожалеете!»

Через некоторое время празднуем в ресторане годовщину одного из предприятий. Сидим в отдельном зале, входят двое с характерной внешностью, спрашивают: «Кто из вас Джикович? Нужно поговорить». Чувствую, народ стал тихо спадать под стол. Время-то было жуткое. Пришлось мне выйти. Следует разговор: «Вам предлагали деньги. Почему вы не берете?» Ещё раз отвечаю, что ничего брать не буду. Тогда мне предлагают заплатить отступные и заявляют, что это было последнее предупреждение. Вызываю службу безопасности.

Спасайте! А служба у меня была хорошая. Три дня они искали концы. Семья моя в это время сидела дома безвылазно. А я передвигался на работу и с работы «в коробочке». «Коробочка» — это когда один телохранитель идёт впереди, другой сзади, оба оглядываются по сторонам, а ты между ними. Вот так я жил эти три дня. Потом мне сказали: «Всё в порядке. Договорились. Претензий к тебе нет».

Я знаю, что коллеги мои на это тоже попадались. Один из них даже подписал бумаги, прилетел в Москву, а когда увидел, кто его встречает, вытащил бумаги и тут же разорвал их. На глазах встречающих. Потому что понял. Всё!

А я, например, имел несчастье столкнуться с Марком Леонидовичем Горячевым. Популярный был деятель того времени. На обложках журналов светился. С Собчаком выступал по телевизору — учил, как жить. Рассказывал о связях с министром экономики А. А. Нецаевым. Так вот... Было в петербургском объединении «Цветы» Удельнинское отделение. При его акционировании Горячеву потребовался кредит, чтобы участвовать в ваучерной приватизации. Я под хорошие рекомендации и залог (что было ещё редкостью) 40 разобранных домов и всего имущества в офисе выдал ему кредит. Потом оказалось, что Горячев скупил ваучеры, вложил их, но не получил права на приобретённое имущество, так как объект был неправильно выставлен на торги.

Судебное дело зависло, все сроки кредита прошли. Я стал реализовывать имущество. Это трудно сделать сейчас, а тогда было ещё сложнее. Судебных исполнителей, в основном женщин, Горячев запугивал. Тем не менее часть имущества мне реализовать удалось, так что нам ещё повезло. Под свои авантюры Горячев взял кредиты во многих банках, в том числе и московских. И не вернул деньги. Брал у одних, частично отдавал другим, запутал многих. Потом он как бы пропал. Есть версия, что его выкрали. Жена просила, чтобы дело закрыли. Однако следователь, как и я, считал, что это очередная афера Горячева. Думаю, он где-то отсиживался...